

Зябкин Михаил Юрьевич

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛОВ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается вопрос о роли символов во взаимодействии политических акторов. В этой связи изучаются возможности как позитивного, так и негативного использования символов в процессах взаимоотношения общества и властных элит. Автор обосновывает положение о том, что полноценная легитимация власти возможна только при условии конструктивных двухсторонних взаимодействий с использованием символов, отвечающих ценностям общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 70-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В первой части подобная ритмическая фигурация (колокольные перезвоны) содержалась во вступлении к собственно теме главной партии.

Основой третьего элемента главной партии служит лейтмотив Сонаты, который проходит в нисходящем движении в диатоническом варианте. Как и импульс-толчок, он начинается с вершины-источника.

Таким образом, в тематическом отношении главная партия финала, подобно первой части, является неким синтезом всех важнейших тем Сонаты, которые появляются в различных интонационных и ритмических вариантах.

Трактовка третьей части В. Горовица содержит сокращения авторского текста, в частности, в теме связующей партии экспозиции. Связующая партия состоит из трех различных по функции разделов, третий из которых является предыктовым к побочной партии. Он состоит из 4-х звеньев секвенции, каждое из которых в «третьей» редакции звучит без повторов (т. 76, 78, 80, 82). Кроме того, в разработке отсутствует третий раздел (т. 159-178), который являлся доминантовым предыктом.

«Третья» редакция отличается особым драматизмом, обостренным противопоставлением главных образных сфер. Она отмечена активностью тематического, динамического и образного контрастов на протяжении всей Сонаты. В целом интерпретация В. С. Горовица не противоречит общему замыслу и драматургии Сонаты, а раскрывает ее образное содержание и эмоциональный строй по-новому.

Список литературы

1. **Бобровский В. П.** Функциональные основы музыкальной формы: исследование. М.: Музыка, 1978. 332 с.
2. **Левая Т. Н.** Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи: исследование. М.: Музыка, 1991. 166 с.
3. **Соколов О. В.** Морфологическая система музыки и ее художественные жанры: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. 220 с.
4. **Сорокина Е. Г.** Фортепианные сонаты С. В. Рахманинова // Из истории русской и советской музыки / сост. А. И. Кандинский. М.: Музыка, 1976. Вып. 2. С. 146-180.
5. **Холопова В. Н.** Формы музыкальных произведений: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Лань, 2001. 496 с.

PIANO SONATA № 2 B-MOLL BY S. V. RACHMANINOFF: COMPOSITIONAL INTERPRETATION OF ARTISTIC TEXT

Ericheva Svetlana Evgen'evna
The Rachmaninov Institute in Tambov
sv-burambaeva@yandex.ru

The article examines three versions of Piano Sonata № 2 b-moll by S. V. Rachmaninoff, two of which belong to the composer, and “the third” – to the pianist V. S. Horowitz. The author compares the interpretations of the Sonata from the viewpoint of dramatic and compositional structure. As a result of the research it is concluded that the changes of the material of the Sonata in the second and “third” versions differ by strengthening the dramatic beginning and consequently the intensive compression of the form.

Key words and phrases: procedural character of composition; end-to-end development of subject matter; compression of form; technique of reminiscence; author's versions of sonata.

УДК 140.8

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о роли символов во взаимодействии политических акторов. В этой связи изучаются возможности как позитивного, так и негативного использования символов в процессах взаимоотношения общества и властных элит. Автор обосновывает положение о том, что полноценная легитимация власти возможна только при условии конструктивных двухсторонних взаимодействий с использованием символов, отвечающих ценностям общества.

Ключевые слова и фразы: символ; символический интеракционизм; символический капитал; символическая политика; легитимация; конфликт; взаимодействие.

Зябкин Михаил Юрьевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
michael@zyabkin.com

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛОВ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ[©]

Эволюция политической системы всегда вызывается институциональными и символическими трансформациями, которые требуют соответствующей легитимации. Символическая легитимация властных структур

способна наделить весь ход политической и социальной эволюции сакральным историческим смыслом. Как отмечали П. Бергман и Т. Лукман, легитимация «оправдывает» институциональный порядок, придаёт ему нормативный характер [1, с. 125].

Формирование политической символики, её адаптация под вызовы времени представляют собой один из ключевых элементов властных отношений. Однако роль символического в политике не сводится лишь к конструированию политической символики как таковой (в форме знаков). Символические аспекты политики охватывают все политические действия, сами являющиеся символами [7, с. 159-161]. Символическое доминирование даёт возможность контролировать не только общественное мнение, но и оказывать влияние на социализацию новых поколений, ход формирования системы ценностей населения в целом [13, с. 20-22]. Обозначенные факторы обуславливают актуальность темы данной статьи и определяют её цель – выявить возможности использования символов в установлении политических взаимодействий. В этом ключе символ рассматривался в рамках нескольких научных течений. В частности, представители символического интеракционизма анализируют символ с точки зрения его опосредующей роли в социальных взаимодействиях и социальной реальности. Следовательно, мы говорим о символическом взаимодействии. Представители символического интеракционизма делают особый упор на лингвистической коммуникации. Согласно их точке зрения, обоюдное влияние никогда не является прямым, оно во всех случаях подвержено определённой промежуточной трансформации, иначе говоря, символ всегда интерпретируется.

Символический интеракционизм рассматривает социальные взаимодействия в аспекте межличностных коммуникаций. Более широко интерпретируют символическое последователи структурного функционализма и постструктурализма. Отметим, к примеру, вклад Т. Парсонса, в частности, его теорию «символических посредников» (деньги, власть, влияние и ценности). Т. Парсонс прослеживает взаимосвязи символической системы с «нормативной ориентацией» деятельности, что, в результате, представляется как фактор обязательного «упорядочения» взаимодействий. Даже самые элементарные взаимодействия, доказывает Т. Парсонс, невозможны без некоторой степени соблюдения установок конкретной символической системы [9, с. 179-185].

Проблема символических аспектов взаимодействий развивалась далее Ж. Бодрийяром, который раскрывал её через процессы борьбы за власть [2, с. 96]. По его словам, символическое представляет собой не столько инстанцию или структуру, сколько акт обмена, особое социальное отношение как таковое [Там же, с. 243]. Когда свободное осуществление такого социального отношения, «циркуляция» «закупоривается», то формируются «тромбы» власти, представляющие собой феномены накопления. В такой ситуации – ситуации отсутствия взаимодействия – «символическое отношение гибнет», в силу своекорыстного использования властью [Там же, с. 101-102]. Это приводит к формированию «гиперреальности». Под ней Ж. Бодрийяр понимает процесс симуляции. В политическом аспекте это значит, что партии не отстаивают реальные идеалы. Они «симулируют оппозицию». Символы становятся инструментами «мягкого» контроля, который осуществляется посредством симуляций.

Автору статьи наиболее близка концепция П. Бурдьё, который, в отличие от Ж. Бодрийяра, понимает символическую деятельность в политике как деятельность, которая связана с производством разных путей интерпретации социальной реальности и последующей борьбой за их доминирование в публичном пространстве на основе использования символического капитала [1]. П. Бурдьё уделяет особое внимание процессам взаимодействия (конкуренции, поддержки, интеграции и др.) различных интерпретаторов социальной реальности, что можно обозначить определением «символическая политика» [9, с. 179-185].

Далее, в 70-80-х годах XX века проблемой символического взаимодействия в политике занимались М. Эдельман и У. Сарцинелли. Ими среди прочих взаимодействий были особо обозначены массовые коммуникации, понимаемые шире, нежели средства массовой информации. «Массовый» характер символической коммуникации, с точки зрения М. Эдельмана, позволял ей налаживать взаимодействия между сферой публичных институтов и областью повседневной коммуникации. А. И. Соловьев отмечал по этому поводу: «Особенностью массовой коммуникации оказывается её способность интегрировать различные виды норм через образование символических единств. Выстраиваясь на основе синтеза рациональных суждений с разнообразными чувственными формами восприятия, символы обеспечивают человеку возможность рассматривать каждый конкретный факт как проявление целостного образа мира политики» [12, с. 5].

Таким образом, подчёркивая интегративный характер символической политики, М. Эдельман подчёркивает наличие различной степени интеграции институциональных норм во взаимодействии политических акторов. Важно отметить, что под ходом символизации не обязательно подразумевается положительная оценка социального регулирования. Появление новых символов деструктивного характера может свидетельствовать о критическом восприятии институтов населением в пространстве политической системы. Как отмечает О. Ю. Малинова, «несмотря на уникальные властные ресурсы государства, его символическое доминирование отнюдь не предрешено. По её мнению, даже если требуемая система ценностей навязывается директивными насильственными способами, у населения остается возможность, так называемого, “лукавого приспособления” и “двоемыслия”» [10, с. 92-95]. Актуализация таких феноменов в особенности проявляется при изучении взаимодействий в информационной и виртуальной сферах [5, с. 37-39].

Даже не являясь всемогущим актором поля символических взаимодействий, государство обладает на нём особым положением, так как располагает возможностью относительно эффективно навязывать поддерживаемые им пути интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ключевых ресурсов, изменения правовой категоризации, придания национальным символам особого статуса, а также из-за способности представлять народ в межгосударственных взаимодействиях. В связи с этим публичные

высказывания политических акторов, которые выступают от имени страны или принимают участие в реализации властных решений, обладают особым значением и, нередко, становятся объектами почитания для прочих участников коммуникации.

Используя конкретные интерпретации коллективных символов, представители власти преследуют разнообразные политические цели [11, с. 7-15]: они стремятся легитимизировать собственную власть, консолидировать социум, оправдать принимаемые управленческие решения, мобилизовать электорат, продемонстрировать несостоятельность оппонентов и т.д. Однако здесь важно отметить, что выполнение данных задач осуществляется в общем символическом поле, которое доступно для всех субъектов политической системы, и как следствие, является объектом свободной интерпретации, присвоения, а также оспаривания [9, с. 185-189].

Помимо этого, значимым фактором увеличения роли символов в политических взаимодействиях могут выступать способы их использования современными экстремистскими организациями. Показательными в этом аспекте оказываются методы, которые ориентированы на дестабилизацию политических взаимодействий с помощью привлечения расширенного внимания СМИ и интернет-аудитории к «недееспособности» и «неэффективности» существующих политических институтов [5, с. 39-41].

Учитывая различия в восприятии символического поля, можно выделить два пути использования символов. Очевидно, что определенная часть властной элиты применяет символы с целью манипуляций, для получения собственной выгоды, однако существуют и другие, не эксплуатирующие символический капитал страны представители власти. При данном подходе необходимо также учитывать, что значительная часть граждан проявляет определенную реакцию на символы, используемые властью, что находит выражение в активных действиях или, напротив, бездействии. Но есть часть общества, которая во многом невосприимчива к подобному символическому воздействию [8, с. 135-138].

Таким образом, политические символы обладают ключевой ролью, как в развитии, так и в разрешении конфликтных политических взаимодействий. Субъекты политической системы, находящиеся в невыгодном положении, пытаются увеличить своё влияние, адаптировав символы под запросы своего электората. Здесь особое значение имеют символы, обращённые к определенным группам населения, а также символы, обладающие максимальным сакральным потенциалом (в частности, религиозные). Противники таких действий, в свою очередь пытаются ограничить возможность использования данных символов, апеллируя к доводам разума, либо дискредитируя своих соперников, демонстрируя их «недостойность» распоряжаться сакральными символами. Чем меньше продуктивных взаимодействий возникает между конфликтующими субъектами, тем чаще применяются символы с невысоким информационным содержанием, но повышенным эмоциональным воздействием. Значимым фактором в данном контексте является степень удалённости власти, которой необходима легитимация. Р. Кобб и Ч. Элдер отмечают в данном аспекте, что чем больше полномочий и чем менее легитимна власть, тем больше её потребность в использовании символов, и тем больше возможностей их использовать для того, чтобы эту власть оправдать [Там же, с. 139-140].

Помимо того, что символы способны легитимизировать существующее распределение власти, а также «узаконить» её действия, они позволяют нивелировать проблемы, которые могут появиться при передаче власти от одних лидеров другим. Ритуалы передачи власти позволяют легитимизировать, узаконить властные полномочия новой администрации и призваны продемонстрировать жизнеспособность и стабильность существующего состояния политической системы. Такие церемонии возлагают на политических лидеров груз ответственности и придают населению уверенность в том, что власть будет реализовывать собственные обязанности надлежащим образом.

Другими словами, как отмечают Р. Кобб и Ч. Элдер, в отсутствие символов большинство органов власти распалось бы, а властные элиты функционировали бы только лишь благодаря физической силе, что в длительной перспективе делает любое правительство нежизнеспособным [Там же, с. 141-143].

Следовательно, можно заключить, что в процессе обеспечения политических взаимодействий символы выполняют целый ряд функций, ключевыми из которых являются следующие две:

1) интеграция субъектов одного уровня политической системы (горизонтальные взаимодействия). Символы, обладающие сакральным значением для конкретной территории, способны объединять её население, налаживать диалог между людьми, спланировать их в процессе достижения общих идеалов;

2) обеспечение диалога между субъектами разных уровней политической системы (вертикальные двусторонние взаимодействия). Причём он может иметь как характер обратной связи, конструктивного контроля, так и характер, так называемого суггестивного воздействия, **преодолевающего рациональное восприятие, навязывающего определённые стереотипы**. Другими словами, такой диалог может являться контролем как народа над властью, так и власти над народом. В случае первого варианта достигается полноценная легитимация власти, в случае второго – поддержка власти обеспечивается за счёт манипуляций общественным сознанием.

Особое значение для полноценного диалога между разноуровневыми субъектами политической системы имеет участие политиков в символических ритуалах территорий страны и встречи с лидерами, которые воплощают ключевые символы конкретных групп населения. Это позволяет перенести политические взаимодействия в особую сакральную реальность, легитимизируя их в глазах таких групп.

По итогам статьи можно сделать общий вывод о том, что символы в политике представляют собой эффективный инструмент, который способен усилить влияние субъектов политической системы (всех уровней), а также позволяет сохранить ключевые ценности страны в её политическом капитале.

Список литературы

1. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Буковская Н. В., Воеводина Ю. А. Роль религиозных символов в политике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 12. С. 101-104.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. 288 с.
5. Ишменев Е. В. Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы // Социум и власть. 2011. № 2. С. 37-41.
6. Кирсанова Н. П. Партии в символическом пространстве политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 63-68.
7. Кирсанова Н. П. Символические основы российской политики // Проблемы современной науки. 2013. № 7. Ч. 2. С. 159-166.
8. Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131-145.
9. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 4. С. 179-204.
10. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 90-105.
11. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.
12. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Политические исследования. 2001. № 2. С. 5-23.
13. Хлыстунов С. Ю. Символическая власть и СМИ: проблема идеологического доминирования // Власть. 2007. № 7. С. 20-24.

POTENTIAL OF USING SYMBOLS IN ESTABLISHING POLITICAL INTERACTIONS**Zyabkin Mikhail Yur'evich***Lomonosov Moscow State University**michael@zyabkin.com*

The article discusses the role of symbols in the interaction of political actors. In this connection the author analyzes possibilities both for the positive and negative use of symbols in the interrelations of society and authoritative elites. The researcher justifies the thesis that the full legitimization of power is possible only under the condition of constructive mutual interactions using the symbols, which satisfy the values of society.

Key words and phrases: symbol; symbolic interactionism; symbolic capital; symbolic policy; legitimization; conflict; interaction.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье поднимаются актуальные проблемы современности: трансформация ценностных аспектов бытия личности, феноменологические изменения подрастающего поколения, модификация института семьи. Автор апеллирует к философскому наследию отечественных традиций семейного воспитания XVIII-XIX вв., рассматривающих данный институт в аспекте идей духовно-нравственного становления личности. Произведён анализ рецепции идей семейного воспитания в русской философско-педагогической мысли в современном научном знании.

Ключевые слова и фразы: цивилизационный сдвиг; личностный образец; ценности; семейное воспитание; целостность личности; человек культуры.

Исаков Александр Владимирович*Забайкальский государственный университет**isakovaleksv@yandex.ru***ИДЕИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVIII-XIX ВВ. ©**

В современных социально-гуманитарных исследованиях отмечается тяготение к антропологическому тренду, что обусловлено становлением постнеклассической научной рациональности, а также проблемами, вызванными культурным, антропологическим цивилизационным сдвигом с тенденциями трансформации традиционных ценностей, в том числе семейных [5].

В условиях динамично изменяющегося мира социальный институт семьи «креолизируется» – претерпевает глобальные изменения, связанные с модифицированием устойчивых социальных ролей и присущих им форм